

Глава 16: Медный ключ.

К вечеру немцы, отбитые нами, так и не возобновили атаку.

Поле боя затихло.

Я вместе с Пастуховым и Савченко обходил первую траншею, проверяя, как бойцы спешно укрепляют блиндажи и роют ходы сообщения. В строительстве укреплений я был полным профаном, и, видя, как солдаты работают с жаром, не вмешивался и не раздавал ненужных указаний. лейтенант Савченко, до перевода из зенитных войск, тоже не имел опыта в таких делах, поэтому, как и я, молчал, не предлагая никаких дельных советов.

Капитан Пастухов, похоже, участвовал в обороне на других участках и разбирался в качестве укреплений. Осмотрев свежесобранные сооружения, он тут же указал мне на их слабые места:

– Товарищ лейтенант, взгляните, – сказал он, показывая на новый пулемётный окоп. – С военной точки зрения, это укрепление никуда не годится. Пулемётный пункт рассчитан только на стрельбу в одном направлении. В бою стрелок внутри может укрыться разве что от шальных пуль или осколков. А немцы, как правило, начинают с артобстрела и авиации. Такой огневой точке достаточно одного прямого попадания снаряда или бомбы, и от людей внутри не останется и следа.

– И что же делать? – спросил я, видя, что он явно знает толк в оборонительных работах.

Хотя Пастухов был старше по званию, обстоятельства сложились так, что он подчинялся мне, и потому отвечал с уважением, как подчинённый командиру, терпеливо объясняя:

– На открытой местности укрепления нужно усиливать стальными плитами, чтобы временные огневые точки могли дольше выдерживать артиллерийский обстрел. Кроме того, необходимы постоянные огневые точки...

Он увлечённо продолжал объяснять, когда вдруг лейтенант Савченко тихо произнёс:

– Товарищ лейтенант, смотрите, идёт какой-то командир.

Я обернулся. Вдалеке, вдоль только что вырытых укрытий, большими шагами приближался рослый военный в фуражке, с аккуратными усиками, в сопровождении нескольких человек.

Когда он подошёл ближе, я разглядел на его плечах погоны полковника и, поспешив навстречу, вытянулся по стойке «смирно», отдавая честь:

– Товарищ полковник, лейтенант Осянина докладывает: войска укрепляют позиции. Прошу ваших указаний.

Полковник, не говоря ни слова, неожиданно шагнул ко мне, обнял и, взволнованно повторяя, воскликнул:

– Молодец, лейтенант! Ну, просто молодец!

По русскому обычаю, чем крепче рукопожатие или объятие, тем искреннее дружелюбие. Но его хватка была такой сильной, что я едва мог дышать.

Не замечая моего страдальческого выражения, он продолжал, словно говоря сам с собой:

– Ты просто невероятная! Я старый солдат и знаю, как трудно встать под свист пуль и разрывы мин. Первые секунды решают всё: либо долг и воля командира заставляют бойцов подняться навстречу смерти, либо они остаются в окопах...

Его объятие задело рану на моей груди, и я чуть не вскрикнул от боли, но сдержался. Слёзы, однако, невольно хлынули из глаз. Сквозь них я подумал: Конфуций верно сказал, что порыв — это дьявол. И впрямь, в тот момент меня точно бес попутал! Иначе с чего бы мне, не раздумывая, сгоряча выскочить из траншеи и ринуться в атаку, будто героиня без страха и упрёка? Если бы не счастливая случайность, не тот медный ключ на груди, что остановил осколок, я бы сейчас пил чай с ангелами на небесах.

Полковник отпустил меня, шагнул к краю позиции и, ласково назвав меня по имени, с чувством сказал:

– Рита, лейтенант, знаешь ли ты? Сегодня вы не только остановили немцев здесь, но и на других участках — они не продвинулись ни на шаг. По данным авиации, наша морская артиллерия дальнего действия уничтожила крупную танковую группировку, которая пыталась обойти высоту...

Его голос казался знакомым — должно быть, это он говорил со мной по телефону днём. Но кто он, я так и не понял. Он говорил вроде бы буднично, но я знал из истории: в городе за нашей спиной, в ключевых зданиях и сооружениях, заложены заряды. Если немцы прорвут оборону, всё обратится в руины.

– Товарищ комдив! — запыхавшийся связной подбежал, отдал честь полковнику и громко доложил: — Командующий армией генерал-майор Федюнинский приказал вам немедленно вернуться, есть важное задание!

Только тогда я понял, что передо мной — командир 21-й дивизии, полковник Новиков.

Когда я закончил все дела и вернулся в расположение, чтобы отдохнуть, часы показывали одиннадцать вечера. Я вошел в женскую казарму. Там было чисто прибрано, койки верхнего и нижнего яруса выстроились в аккуратные ряды. Лунный свет скользил по молодым лицам спящих девушек, их дыхание было ровным, с лёгкой сладостью сна, а порой кто-то невнятно бормотал во сне.

Моя койка — нижняя, у деревянной кровати возле двери. Выбирая это место, я красиво объяснил, что отсюда ближе к выходу, чтобы в любой момент отправиться командовать боем. На самом деле я просто боялся за свою жизнь: если начнётся немецкий артобстрел или налёт, до двери проще добежать.

— Рита, — я подошел к койке и, нагнувшись, собирался лечь, когда вдруг услышал шёпот сверху. Поднял глаза — это была Лена, боец с верхнего яруса. Я выпрямился, наклонился к ней и тихо спросил:

— Лена, почему не спишь так поздно?

— Не могу уснуть. Можно поговорить?

— Конечно, конечно, Леночка, — ответил я, немного удивившись, но согласившись. Она ведь не знала моего прошлого, так что я не боялся, что её расспросы выдадут что-то лишнее. Я лег, не раздеваясь, укрылся одеялом. Лена, в тонкой шёлковой сорочке, едва прикрывающей тело, спустилась с верхней койки и быстро юркнула ко мне под одеяло.

Она прижалась ко мне, молчала, но её рука начала ощупывать мою грудь. У меня по спине побежали мурашки.

«Неужели она лесбиянка?» — мелькнула мысль. Я уже собирался перехватить её руку, чтобы остановить, но она замерла, нащупав сквозь одежду медный ключ, висевший на груди, и с любопытством спросила:

— Рита, что за ключ у тебя на шее?

Я коснулся пальцами деформированного ключа, мысленно благодаря судьбу: именно он спас мне жизнь сегодня. Собравшись с мыслями, я словно со стороны услышал свой голос:

— Это ключ от дома. Подарок мужа.

Слово «муж» далось мне с трудом, щёки вспыхнули от смущения. Хорошо, что в темноте Лена не заметила, как я покраснел.

— Твой муж тоже в армии? — тихо, с любопытством спросила Лена.

Я погладил ключ, висевший на груди, и в голове, словно кусочки мозаики, начали складываться разрозненные воспоминания о его происхождении, образуя цельную историю. Я начал рассказывать Лене о Рите и Осянине, но от первого лица:

– Мой муж, Осянин, был капитаном на пограничной заставе... У него была верная служебная собака, которая всегда ходила за ним тенью. Я ужасно боялась собак, но когда мы встречались, эта псина бежала рядом, и я почему-то совсем не трусила... После свадьбы у нас появился свой дом. Этот ключ он сам повесил мне на шею... Когда началась война, он ушёл на фронт. Перед отправкой я надела этот ключ ему на шею и просила вернуться живым... Но однажды утром, через несколько дней, я нашла его собаку — она лежала у порога, едва дыша, а на шее блестел этот медный ключ. Только я сняла его, как она закрыла глаза. С тех пор я ношу этот ключ на груди...

Я тихо рассказывал, обнимая Лену, а моя рука привычно скользила по её телу — от округлых бёдер к полной груди, ощупывая её всю. Внутри я не мог не восхититься: русские девушки — это что-то! Не только красивые, с белой, гладкой кожей, но и с потрясающей фигурой, такой приятной на ощупь. Жаль только, что эта красота недолговечна — к среднему возрасту они нередко превращаются в пышных Катюш с талией, как у бочки.

Я бесцеремонно касался Лены, но она, похоже, не возражала — даже, кажется, наслаждалась. Не прошло и нескольких минут, как она, уютно устроившись в моих объятиях, уснула.

<http://bllate.org/book/16020/1429210>